

Интеръективы как дискурсивные операторы и коннекторы

Особенности функционирования междометных и звукоизобразительных речевых единиц, называемых в статье интеръективами [1], определяются во многом характеристиками спонтанной устной речи. В отличие от других прагматических элементов междометия принадлежат преимущественно этому функциональному пространству речи. По мнению Л. Якубинского, для разговорной речи характерна элиминация языковых элементов за счет неязыковых [2], и нередко междометия рассматриваются как языковые жесты [3:479-481;4]. Их эмоциональное, оценочное и т.д. наполнение накладывается на их дейктическую функцию маркеров различных аспектов речевого взаимодействия [5].

Большинство звуков речи идеолектно, т.е. принадлежит исключительно говорящему субъекту (акцент, тембр, модуляции и т.д.). В реальной звуковой среде человеческого бытия и общения больше вариативности, чем инвариантности, и здесь звуки человека отождествляются со звуками природы (например, кашель, чиханье, цыканье, причмокивание и т.п.):

«Il souffle à travers ses narines d'un petit coup sec qui *repousse les autres, les tient à distance*: « **Hn...hn...** Mais ma chère amie, vous me parlez comme si j'étais un oracle...» (N. Sarraute); « - **Homphh**, souffla mon «correspondant», réalisant *une onomatopée qui n'appartenait qu'à lui seul et voulait exprimer une sorte de satisfaction bourrue*, -j'ai fait ce que j'ai pu...» (H. Bazin).

В пространстве речевого бытия человека такие звуки имеют различную значимость. Как правило, в поле зрения не только лингвиста, но и писателя, воспроизводящего речевую действительность, попадают звуки двух типов – интенциональные и неинтенциональные. Последние рассматриваются как звуки «человеческой природы», произвольные, которые можно характеризовать как ономатопои, воспроизводящие (рисующие) определенную единичную фонацию. Лишь небольшая часть таких звуковых фиксаций может конвенциализироваться, т.е. попадать в языковые словари и тем самым приобретать статус языковой единицы того или иного языка. Таковы, например, устойчивые звуковые реакции-рефлексы (звуки человека) и звуковые фреквенталии (звуки природы) (ср. русск. *апчихи, трах-тарарах* – фр. *atchoum; patatras* и т.п.).

Интенциональные фонации имеют определенные функции в речевом бытии человека. Они отражают отношение к объекту (предметная ситуация) и к собеседнику (речевая ситуация).

Функционально-прагматическая классификация интеръективных единиц французского языка отражает механизмы актуализации высказывания в речевом взаимодействии. Включенное в речевое взаимодействие - составную часть деятельностной ситуации - высказывание имеет не только референтную направленность, но и социально-контекстное значение, которое формируется в конкретном общении и может быть понято только на основе процесса общения [6:198].

Процесс актуализации определенного пропозиционального содержания, отражающего некоторое положение вещей в реальном или возможном мире, представляет собой сложный акт, состоящий из нескольких актов - акта референции, акта предикации, связанных с ними акта локализации в ситуации речи (я - здесь - теперь) и акта модализации (так) [3].

Интеръективы взаимодействуют в первую очередь с модальным компонентом семантики высказывания, казалось бы, почти не влияя на его пропозициональное содержание. Однако интегральный смысл высказывания определяется как совокупность семантического и прагматического компонентов, поэтому изменение смысла, происходящее при самом незначительном «нюансе», привносимом той или иной междометной единицей, имеет принципиальное значение с точки зрения порождения (реализации коммуникативного намерения) и интерпретации высказывания-речевого акта.

Таким образом, функции (значения) интеръективов рассматриваются как операции над смыслом целого высказывания, помещенного в контекст речевого взаимодействия.

Акты референции и номинации, сопровождающие актуализацию высказывания в речи, тесно связаны с интенциональностью и субъективным восприятием мира. Говорящий может иметь в виду некоторый объект действительности, называя его по-своему, употребляя приближительные номинации, экспрессивные номинации и т.п.

В спонтанной разговорной речи такие номинации часто идиолектны и являют собой результат словотворчества, фонетической игры и т.п. Однако «принцип наименьшего усилия» заставляет говорящего обращаться в таких случаях к закрепленным в узусе стереотипным средствам, среди которых МРЕ, в частности – репрезентативы. К звукоподражаниям в лексикографической традиции и филологических источниках иногда относят и другую разновидность междометий, которые по форме и происхождению приближаются к чистым звукоподражаниям, однако в отличие от последних соотносятся с

субъектом сказывания и с речевой и деятельностной ситуацией. Так, МРЕ «Crac!», «Patatras !» (« Patatras! Voilà le vase cassé!») могут выполнять функции репрезентатива (диктум), когда обозначают звук, который издает ломающийся или падающий предмет: «Mais au moment où le bec verseur touchait la tasse, *patatras!* La chocolatière échappa soudain à Bertille... (H. Bazin); «-Ça fait *crac, pouah!* dit Lulu Doumer -Tous les insectes ça fait *crac* quand on les écrase, dit Thérèse». (R. Queneau).

Однако посредством делокутивной деривации за этими МРЕ закрепляется значение речевого рефлекса, который производит субъект сказывания, выражая насмешку над человеком, разбивающим что-то в его присутствии, или выражает таким образом ироническое сочувствие протагонисту, связанное с интерперсональным аспектом взаимодействия (неловкость протагониста создает угрозу его «лицу» в глазах присутствующих, которые как бы несут ответственность за то, что оказались её невольными свидетелями - Ср. русск. «Бабах!», «Дзиль!», «Бух!»).

Таким образом, репрезентатив переходит в разряд экспрессивов, т.е. модусных элементов. Таковы «Ouf!», «Ouais!», «Bof!» и другие МРЕ, которые отличаются от чистых репрезентативов высокой конвенциональностью, превращаясь из изобразительных речевых жестов в «жесты-символы» [3:468-469], имеющие закрепленное в узусе значение.

Промежуточное положение между собственно репрезентативами и экспрессивно-эмотивными (модусными) интеръективами занимают также элементы, синестетически отражающие различные элементы предметной ситуации, описываемой в пропозиции. «Toc!» приобрело значение моментальности, быстроты совершения действия (приближаясь к глагольному слову) или маркирования его результата (ср. русск. « Раз!»): «Encore un effort *et toc!* on a enfoncé la porte ». Ср.: « Enfin, bref, il a tué le cousin d'un coup de serpe. Tu sais, comme un mouton, *zic!*» (A. Camus); «Quoi donc? J'en suis tout épaté, tout désolé. Mais *vlan!* Mignonne, te voilà giflée» (H. Bazin).

Таковы «Patati-patata!» (= пустая болтовня): «Comment va -t-il? Qu'est-ce qu'il fait? Pourquoi ne vient-il pas? Est-ce qu'il est content?... *Et patati! Et patata!* Comme cela pendant des heures» (A. Daudet); «Miam-miam» (= это вкусно) - « C'est bon, c'est bon, *miam miam!*»- disait Olivier avec des mouvements comiques de la bouche et des joues» (R. Sabatier).

С одной стороны, как и репрезентативы, они соотносятся с референтной ситуацией, т.е. с пропозицией высказывания и описывают определенное положение дел, а с другой - их производит субъект ска-

звания, и, таким образом, кроме чисто репрезентативной функции они выполняют дополнительные прагматические функции, связанные с ситуацией сказывания - маркеров интенционального отношения (подчеркивание быстроты или неожиданности действия с точки зрения субъекта сказывания, пренебрежительное отношение к цитируемым словам или восхищение вкусом еды), интерперсональных отношений (Это вкусно = комплимент в адрес угощающего) и т.п.

Когда протагонист и субъект сказывания совпадают, такие интеръективы, приближаясь по функции к модусным, комментируют действие или операцию, указывая на их (успешное или неуспешное) окончание или результат (ожидаемый или неожиданный): « *Et hop! fit Autin ferrant un dard qui, bien sorti, vint s'écailler sur le pré...*» (H. Bazin); « Tu lui as fait raconter sa vie, tu lui as passé tes huiles, *et hop!*... Envolé le sacristain...» (M. Pagnol).

Таким образом, границы между диктальными и модусными интеръективами подвижны. Это объясняется общим механизмом образования и функционирования - делокутивностью. Различие между репрезентативами и модусными междометиями состоит в том, что основная функция репрезентативов – звукоизобразительная, а модусных интеръективов - интенциональная. Они выполняют различные функции, в зависимости от того, какие элементы пропозиции попадают в поле интенциональности говорящего субъекта.

Интеръективы придают ответу эмоционально-оценочное значение, превращая информацию в суждение, передающее мнение (ср. «Ты пойдешь туда? - Нет» и «Ты пойдешь туда? - О да! / Э, нет!»). В этом случае интеръективы также маркируют некоторую имплицитную информацию, относящуюся к пресуппозициям и различным видам коммуникативной компетенции говорящих: « - En tout cas, je parie que tu n'es pas allé aux pièges ce matin. - Eh non je n'y suis pas allé. Je pouvais pas laisser une fille seule perdue dans la colline!».

В аргументативном дискурсе интеръективы выполняют функции маркеров аргументативно значимых высказываний (аргументов, выводов). Являясь операторами и коннекторами, они изменяют аргументативную силу (интенсивность) аргументации, а также связывают аргументативно значимые высказывания в речевом взаимодействии.

Аргументативная функция интеръективов синкретично совмещается в одном употреблении с функцией актуализаторов пропозиционального содержания на эксплицитном и имплицитном уровнях, коннекторов, организующих дискурс и маркеров интерперсональных стратегий: « - Un chemisier crème? Ou alors nous avons un très joli mauve? Ça ne fait pas un peu demi-deuil? - *Oh! non, madame, ça se porte beaucoup*» (F. Mallet-Joris); « -Et il paraît que tu es un fameux chasseur.

C'est ton père qui me l'adit. -*Oh!* dit Lili rougissant. Je mets des pièges pour les oiseaux» (M. Pagnol).

Библиографический список

1. *Кустова, Е.Ю.* Опыт интеракциональной систематизации французских интеръективов [Текст] / Е.Ю. Кустова // Вестник Тамбовского ун-та. – Сер. Гуманитарные науки. – Вып. 5(61). – Тамбов, 2008. – С. 254-259.
2. *Якубинский, Л.П.* О диалогической речи [Текст] / Л.П. Якубинский // Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 17-58.
3. *Русская разговорная речь* [Текст]; под ред. Е.А. Земской. – М.: Наука, 1973. – 485 с.
4. *Шляхова, С.С.* «Другой» язык. Опыт маргинальной лингвистики [Текст] / С.С. Шляхова. – Пермь: ПГТУ, 2005. – 348 с.
5. *Алферов, А.В.* Интеракциональный дейксис [Текст] / А.В. Алферов. – Пятигорск: ПГЛУ, 2001. – 296 с.
6. *Лурия, А.Р.* Язык и сознание [Текст] / А.Р. Лурия. – М.: МГУ, 1998. – 336 с.